

Как обеспечить формирование нового педагогического мышления, гражданское и духовное становление детей и юношества, демократизацию сферы просвещения — об этом размышляют писатель, критик и педагог [начало см. № 2, 1988 г.].

ЧЕМУ ДОЛЖНА УЧИТЬ ШКОЛА?

С. БАРУЗДИН.

Чему сегодня учит школа? На первый взгляд многим замечательным вещам: основам наук, навыкам творческой работы, пониманию закономерностей исторического развития, готовности к выбору профессии, учит самостоятельности и самовоспитанию. А между тем год от года растет в обществе беспокойство, даже тревога: нет, не такими выходят из школы дети, какими нам хотелось бы видеть их. Нередко они не знают, куда идти, к чему стремиться, во всем полагаются на родителей или на случай, ни за что не отвечают и при этом еще свое социальное иждивенчество считают чем-то едва ли не заслуженным... Я далек от намерений стричь всех, как говорится, под одну гребенку, но таких «не всех» мало.

Довольно часто слышишь: металлисты, рокеры, панки, нацисты, хиппи, еще какие-то серки появились... Но это лишь то, что выделяется, а в массе? А в массе — «брюновское движение», непонятное разноголосье. И в то же время нетрудно заметить, что наши дети очень неглупые ребята — эрудированные, они, как правило, и знают, и умеют больше, чем их учителя. Честность, чувство товарищества, доброта у них в цене. Но есть и сила, и бравада: курение, сквернословие, алкоголь как признаки взрослости, стремление иметь собственные деньги, а каким способом заработать их, это не всегда важно...

Одним словом, мне кажется, что думать, будто школа слегка «прихворнула», не следует: болезнь запущена, и трудно предугадать, какие кислородные подушки, переливания крови и хирургические операции понадобятся ей вот-вот.

Школа, впрочем, не только больна, она еще и катастрофически бедна, и никто, кроме нее самой, ей не поможет. На мой взгляд, школа может и должна стать хотя бы наполовину хозяйственной организацией, дающей себе и обществу материальную прибыль — и в виде денег, и в виде различных вещей, необходимых обществу.

Мы живем в такое время, когда нравственность неотделима от организации условий, в которых человек живет и трудится. Нельзя требовать от производителей выполнения плана, добросовестного отношения к труду там, где устаревшее обо-

рудование, допотопная технология, некомпетентное руководство. Точно так же и в школе — от учеников требуют хорошей учебы, а предлагают им примитивные помещения для занятий, примитивную классную доску, примитивные учебники и т. д.

Мне думается, что педагогический эксперимент в просвещении просто необходим. Он нужен хотя бы для того, чтобы дети-ли Минпроса знали: живую жизнь нельзя загнать в тесные клетки учебных программ и всякого рода предписаний, обязательных абсолютно для всех. Я учил в свое время и физику, и химию, и математику, но за чем — это для меня до сих пор загадка. А вот сочинением стихов, к чему имел в школе явное пристрастие, мы, ученики, на уроках почему-то совсем не занимались.

Не берусь судить о том, чему следует учить старшекласников. Но с первого по пятый класс, думаю, ребят надо учить прежде всего читать: как можно больше читать хорошей литературы, подходящей им по возрасту. К прочитанному ученики могут делать рисунки, сочинять музыку, заниматься лепкой и сочинением собственных стихов и рассказов по мотивам прочитанного. Все это будет способствовать развитию культуры чтения, культуры понимания Слова — величайшего из всех приобретений человеческой расы. Если ученик овладеет культурой слова, он откроет для себя путь к постижению прекрасного, он научится правильно мыслить и правильно действовать, он будет нравственным, активным в социально-политическом смысле хорошим работником, творческой личностью.

Что нужно делать для этого — пусть подумают ученые, педагоги.

ВСЕ, ЧТО ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕК, ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО

В. ЛЫСЕНКО.

Многие первостепенные проблемы педагогики я бы свел к одному вопросу: как воспитать в себе и в других отвращение ко всему плохо сделанному?

Эстетика, к сожалению, не стала ведущим принципом организации нашей жизни — производственной, семейной, общественной, как и не стала важным компонентом системы ценностной ориентации

каждого из нас. И вину за это положение должна разделить вместе с другими общественными институтами школа.

Но вот вопрос: а могло ли быть иначе? Ошибки ли какие серьезные были допущены руководством народного образования; ученые-педагоги где-то недоработали; «застойные времена» ли во всем повинны? Нет, не думаю. Мне кажется, что поиски «стрелочника» в данном случае ни к чему не приведут, потому что причину, на мой взгляд, надо искать не в работе того или иного ведомства или государственного подразделения, а в нашем общем движении мимо культуры — той культуры, которая не в застывшем виде (в «памятниках») существует, а проявляется в человеческой деятельности — мыслительной, производственной, научной и т. д., ей сопутствуют такие оценочные понятия, как добросовестность, гармония, целесообразность, творчество.

Истоки этих понятий обнаруживаются раньше всего в искусстве, в труде художника. И именно искусство — как могущая воспитывающей силы — не хватает нам во всех сферах нашей жизни. Особенно в школе.

У меня в памяти давняя замечательная по глубине и ясности мыслей статья Владимира Федоровича Тендрякова «Ваш сын и наследство Коменского» («Москва», 1965, № 11). Ее положения звучат так, словно высказаны вот только что, в связи с дискуссиями о школьной реформе. А мысли о роли искусства в обучении и воспитании просто чрезвычайно актуальны:

«Нет ничего более действенного, чем язык искусства, и им необходимо пользоваться при обучении».

«Если та или иная наука, будь то математика или физика, химия или биология, несет в себе некую специфичность, не всем в одинаковой степени необходима, то искусство нужно в равной степени всем — и математику, и химику, и биологу. Нельзя жалеть время на искусство!»

Но нужно помнить еще, что там, где начинают искусство преподавать — преподавать как науку, — оно вянет. Слова добросовестного учителя: «Пушкин в образе Евгения Онегина показал представителя вырождающегося дворянского сословия...» — неизбежно убивают поэзию».

Но позвольте, о какой науке идет речь? Разве то, что привел Тендряков как пример «убиения поэзии», — наука? А с другой стороны, почему нет? В конце концов разве школа знает, применительно к литературе, какую-нибудь другую науку, которая не была бы «убийственной»?

Восемнадцать лет назад судьба привела меня в школу учителем литературы, и первое, что пришлось сделать, это отказаться навсегда от услуг учебника и разнообраз-

ных методических разработок: большого ужаса, большей bestолковщины и далекости от подлинной литературоведческой науки трудно было представить! Моими учителями были и классики, и современники: от Петра Андреевича Вяземского с его великолепной работой о Фонвизине до Сергея Георгиевича Бочарова, автора превосходнейших статей по поэтике Пушкина, Гоголя, Андрея Платонова... И потом — Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Аникст, Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев (да всех, пожалуй, и не назовешь) — вот кто вдохновлял на собственные поиски, на решение каждый день возникавших передо мной проблем. Эта наука не убивала, она, напротив, делала живыми музизированных школьным учебником классиков. Она учила видеть прекрасное в произведении искусства и сама демонстрировала ответственное и деликатное обращение с такой тонкой материей, как художественная ткань. Здесь наука шла вровень с искусством, а может быть, даже неотличима была от него... Но все-таки самое главное, как я теперь понимаю, заключалось в том, что именно эта опора на труды выдающихся отечественных (и зарубежных тоже) филологов помогла вырастить в моем сознании счастливую мысль о необходимости построения такого курса преподавания литературы, где каждое явление рассматривалось бы в ситуации культуры, а не как отдельное произведение или биография отдельного автора. Жанр, сюжет, архитектоника, метафора, художественная композиция как феномены культуры, громадный труд и ум художника, его ответственность перед словом и перед читателем; насыщенность смыслом, в котором сплавлены ум и чувство; совершенство — вот что становилось предметом обсуждения на уроках литературы. А еще — психология и философия; автора, его персонажей, читателей и вообще — разных людей. А еще — собственное творчество учеников, попытки сочинять стихи и рассказы на заданную и вольную тему... И много еще чего.

А результат? Для меня лично результатом было то, что однажды я почувствовал полную невозможность продолжать свою учительскую работу и увидел, что школе не только не нужен с моими идеями, но и опасен, потому что на уроке говоришь одно, а в классный журнал записываешь другое — то, что требуется по программе...

И вот теперь как будто появляется возможность вернуть школу к той цели, которая и должна быть у нее, — учить человека строить прекрасную жизнь и самой учиться создавать прекрасное.

В строительстве такой школы я жажду принять участие, в такой школе я был бы счастлив работать.